

Демоны в детской перспективе

Ольга ФУКС
Фотографии Алексея Агеева

РЕЖИССЁР Сюзанн Остен и ДРАМАТУРГ Анн-Софи Барани – яркий тандем в современном шведском театре, работающем для детей, с детьми и про детей. По приглашению Российского центра МИТ при содействии посольства Швеции в России они приехали в Москву, где представили свой фильм «Девочка, мама и демоны» и провели семинар для психологов, театральных педагогов, режиссёров, больничных клоунов и прочих специалистов, работающих с детьми в зоне психологического риска.

Как сказал советник по культуре посольства Швеции Стефан Ингварссон, Сюзанн Остен изменила наше представление о детском театре. К слову, осенью в Третьяковской галерее пройдёт ретроспектива шведского кино под условным названием «Без Бергмана», где можно будет познакомиться с другими киноработами Остен. Её десятая по счёту картина – «Девочка, мама и демоны» – часть длинной цепочки. Фильму предшествовала книга Сюзанн Остен. Затем появилась пьеса, поставленная во многих шведских театрах. Её можно прочитать и по-русски – в сборнике «Свобода выбирать себя. Четыре новые шведские пьесы», который выпустил Российский центр МИТ совместно со шведскими коллегами. Потом сценарий Сюзанн Остен и Эрика Удденберга был воплощён в фильм, премьера которого состоялась 15 апреля 2016 года, после чего он попал в десятку шведских кинокартин, рекомендованных к показу в посольствах по всему миру. Его посмотрели в Рейкьявике, Вашингтоне, Копенгагене, Хьюстоне, Любеке, Сеуле, Хельсинки и других городах. После вы-

хода фильма Национальная шведская ассоциация по исследованиям шизофрении заключила с режиссёром и драматургом долгосрочный договор, и теперь они ездят с мастер-классами и семинарами по разным странам – от Монголии до Мексики. Одна из целей этих поездок – снять табу с самой темы, повернуться лицом к проблеме детей, которым пришлось встретиться с шизофренией своих близких. Табу на разговоры о психозах и табу на возможность говорить об этом с детьми существуют не только в консервативной Монголии («Взрослые говорили нам, мол, наши дети вообще не знают, что такое развод. Спрашиваем детей: «Вы знаете, что такое развод?» Лес рук», – смеётся Сюзанн), но и в толерантной Швеции.

«Ребёнок далеко не всегда понимает, что происходит, и винит себя в семейных проблемах. Но с ним обязательно нужно разговаривать об этом, – уверена Сюзанн. – Я встречала детей, которые спасли своих родителей. Порой, чтобы разобраться, требуется много времени. Очень много... иногда лет пятьдесят...»

Эта цепочка – спасение для самой Сюзанн. В фильме (пьесе, книге) – почти

документальная история собственного детства, которое прошло под знаком шизофрении её матери, кинокритика Герд Остен. Сюзанн сама сплела эту цепочку, начав анализировать свою историю, и выбралась из собственной беды, сделав её предметом исследований и рефлексий.

Вряд ли кто-нибудь обвинит нас в спойлерстве, если мы расскажем, что это история о восьмилетней девочке Ти и её матери, погружающейся в пропасть шизофрении. Пропасть эта весьма яркая и густонаселённая: мама, спрятавшись с дочкой на съёмной квартире, захламляет полупустую вначале студию до состояния какой-то страшной пещеры с потайными ходами, опасными кустами и лабиринтами, желая понаравиться inferнальным демонам, которых видит только она. И в этом безумии как-то обживается, частично обыгрывая его, частично приспособившись к нему, нормальный, любознательный ребёнок, привязанный к матери, как и заложено природой. Фильм заканчивается благополучно. Любящая тётя с деятельной подругой и весёлой собакой, добрая учительница, в меру равнодушные, но всё-таки профессиональные социальные службы делают своё дело: девочку спасают, маму отправляют на лечение, квартиру убирают и даже демонов запускают в космос – фейерверк над чёрным озером, где каждый залп салюта на миг похож на злого клоуна. Но ощущение, что ты прошёл по краю, одной ногой скользнув в пропасть, не отпускает ещё долго. Среди наград фильма есть приз за лучший триллер, но авторов эта формулировка совершенно не радует – они снимали «про другое». Финал картины выглядит счастливым, но по статистике шизофрения

Презентация фильма

Сюзанн Остен

очень часто передаётся по наследству: да, дети как никто способны победить в игре любую беду, но где гарантия, что фантазии девочки про победу над демонами – не первый знак того, что она повторит судьбу матери?

«Девочка, мама и демоны» – фантастически красивое кино: ангельское лицо маленькой Эстер Квигли (Ти), жутковатая живописность квартиры (аппликации из осколков, колючий терновник в уборной, баночки с янтарной мочой, баррикады из тряпья, на фоне которых комната Ти с кукольным театром, подарком тётки, кажется аскетичной кельей), немецкий импрессионизм «демонов», бергмановский вкус к психологическим подробностям в игре Марии Сундбом (мама).

Работа Сюзанн Остен предельно точно показывает механизм разжимающейся пружины психоза (об этом говорили присутствующие на показе психологи и психиатры): отсутствие гигиены, равнодушие к внешнему виду и собственным запахам, хаос как защита, расчётливая практичность в отношениях с нормальным миром и полная реальность «демонов», с которыми иногда даже можно договориться или

Кадр из фильма

попробовать дать им отпор. Кстати, «демоны» очень нравились излечившимся от шизофрении людям, которым показывали картину («я хотел бы иметь таких демонов, в моём психозе всё было по-другому»).

Фильм даёт иностранцам социальную картину обычной стокгольмской школы на окраине: дети всех цветов кожи, уроки напрямую связаны с жизнью (учительница приводит в класс свою семью, чтобы дети рассказали о своих, на урок, посвящённый Хеллоуину, задано сделать себе монструозный грим). А наши отечественные страшилки про ювенальную юстицию в скандинавских странах превращаются в пшик: учительница безупречно деликатна по отношению к голодной, грязной школьнице и её матери.

Но главное, что это кино о любви: нелогичной, слепой, возвышающей и бесстрашной. Она показывает выход там, где, кажется, выхода нет вовсе. Тётя, взламывающая секретную базу данных, чтобы узнать местонахождение племянницы, или Ти с её конфетками от демонов (эта детская нелепица надолго успокаивает мать) движимы любовью. И потому эмоциональной кульминацией

становится не спасение девочки, а её реплика через минуту после спасения: «Я хочу посмотреть, что там с мамой».

Картина снята с такой предельной откровенностью, что иногда за Эстер становится страшно. «Вы до конца объясняли девочке её задачу? Не опасно ли для детской психики сниматься в таких фильмах?» – спросили мы у наших гостей. «Она снималась вместе со своей мамой. На площадке всё происходит по-другому, и у нас есть запись, где ребёнок и мать анализируют свою работу, – объясняет Анн-Софи Барани. – Хотя я понимаю ваш вопрос. Мне как зрителю с каждым разом всё страшнее смотреть этот фильм. И я совсем не оптимистично воспринимаю финал. Ведь нарушаются границы этой семьи, в неё вмешиваются другие люди».

«Обычно я сама просматриваю всё, что хочу показать сыну, чтобы не ранить его, – поделилась одна из зрительниц, мама ребёнка с неуравновешенной психикой. – Но здесь у меня не было такой возможности. Сыну очень понравился фильм, хотя порой он закрывал лицо, когда было особенно страшно, и теперь хочет посмотреть его снова».

Как пьеса эта история вот уже двадцать лет играется в шведских театрах. «После спектакля к нашей «девочке» – довольно высокой взрослой актрисе – подходят дети и спрашивают: сколько тебе лет? А «маме» говорят: у меня точно такая же», – рассказывает о своей постановке Сюзанн Остен. – В театре гораздо больше условности: все роли – и двух демонов, и одноклассников, и учительницу, и маму с дочкой – играют четверо актёров, примеряя на себя разные маски. В кино есть возможность показать всё гораздо более реалистично и с близкого расстояния».

Своеобразным продолжением презентации фильма стал мастер-класс Сюзанн Остен и Анн-Софи Барани, организованный Российским центром МИТ совместно с Высшей школой сценических искусств. По приглашению ВШСИ на семинар приехали психологи, педагоги, режиссёры и актёры из Москвы, Московской, Нижегородской, Тверской, Ульяновской областей и Ставропольского края, среди которых были представители «Больничных клоунов», фонда поддержки слепоглухонемых «Со-единение» и других организаций.

Анн-Софи Барани, которая была психотерапевтом, пока не начала писать пьесы, встретила Сюзанн Остен в 2004 году, и с тех пор они работают вместе. Тогда Остен и Барани затеяли исследование: с какого возраста маленький человек начинает воспринимать театр? Это и было началом шведского беби-театра. Их первыми совместным спектаклем стала Babydrama для полугодовалых зрителей. Просмотрев около пятидесяти представлений, они поняли, что дети, достигшие «сидячего» возраста, действительно следят за действием. Каждый из пятнадцати детей (именно на такое количество рассчитан спектакль) совершает пример-

Кадр из фильма

но одни и те же движения, и, как правило, каждая «фокус-группа» делится на три категории. Девять из пятнадцати смотрят «как большие»: сосредотачиваются на кульминациях и отвлекаются (так бы и сказать – утыкаются в гаджеты), когда плотность действия ослабевает. Два-три влюблены в театр по уши и не терпят, чтобы им мешали. Один-два не понимают, что происходит (возможно, проснулись перед приходом в театр). Словом, расклад практически как у взрослых.

Выяснилось, что профессиональные актёры не очень умеют общаться с ребятами, теряясь от отсутствия чужого текста в руках. Поэтому первые двадцать минут беби-спектакля Сюзанн Остен они знакомятся и общаются с детьми. А затем играют часовое представление о том, как ребёнок появился на свет – жизнь в утробе, рождение, выбор родителей. Что там понимает (а скорее, вспоминает) полугодовалый человек, понять трудно. Но таких внимательных, распахнутых и вместе с тем обращённых в себя глаз не увидит ни один актёр, играющий перед взрослыми.

Память – самая плодотворная работа, родители – первые «персонажи», которых ребёнок изучает и познаёт во всей сложности и цельности. Через упражнения на память и ассоциации шведские гости провели участников семинара по пути «от полной зависимости до осознания: я люблю своих родителей, многие другие люди вокруг меня определяют этот мир, у меня есть несколько друзей, есть и враги, но я люблю эту жизнь». Вспоминая поступки, о которых невозможно рассказать (стыдно, страшно, досадно увидеть разочарование других), взрослый человек возвращает себе чувство беспомощности, а это, по словам Сюзанн Остен, и есть «детская перспектива в искусстве». Начало всех начал.

Demons in Children's Perspective

Ann-Sofie Bárány

Olga FOUX
Photos by Alexey Ageyev

DIRECTOR SUZANNE OSTEN AND DRAMATIST ANN-SOFIE BÁRÁNY IS AN IMPRESSIVE TANDEM OF MODERN CHILDREN THEATRE OF SWEDEN. BY INVITATION OF THE RUSSIAN CENTRE OF INTERNATIONAL THEATRE INSTITUTE WITH SUPPORT OF THE EMBASSY OF SWEDEN IN RUSSIA, THEY CAME TO MOSCOW TO PRESENT THEIR FILM “THE GIRL, THE MOTHER AND THE DEMONS” AND TO LEAD A WORKSHOP FOR PSYCHOLOGISTS, THEATRE EDUCATORS, DIRECTORS, HOSPITAL CLOWNS AND OTHER SPECIALISTS WHO WORK WITH CHILDREN IN THE ZONE OF PSYCHOLOGICAL STRESS.

According to Stefan Ingvarsson, the counsellor for cultural affairs, Suzanne Osten has changed our idea of children’s theatre. By the way, this autumn the Tretyakov Gallery is hosting the retrospective of Swedish cinema under the working title “Without Bergman”, where you can be introduced to other works of Osten. Her tenth film “The Girl, the Mother and the Demons” is a part of a long chain. A book by Suzanne Osten preceded the film. Then the play was on at many Swedish theatres. It was published in Russian – in the collection “My True Selves. Four Swedish Contemporary Plays”, which was published by ITI Russian Centre in partnership with Swedish colleagues. Later the script written by Suzanne Osten and Eric Uddenberg was turned into the film, premiered on April 15, 2016; it was among the top ten Swedish films recommended by embassies all over the world. It was shown in Reykjavik, Washington, Copenhagen, Houston, Lubeck, Seoul, Helsinki and other cities. After the film was released, the National Swedish Association for Schizophrenia Research signed a long-term contract with the director and playwright, and now they tour with seminars and workshops in different countries – from Mongolia to Mexico. One of the purposes of these trips is to remove the taboo from the topic itself, face the problems of children who had to deal with schizophrenia of their loved ones.

Taboo is conversation on psychosis and taboo is conversation about it with children exist not only in conservative Mongolia, but also in tolerant Sweden.

Film scene

“A child does not always understand what is going on, and blames himself for family problems. But you have to talk to him about it, – Suzanne says. – I met children who saved their parents. Sometimes, it takes a long time to understand,.. Sometimes it takes fifty years...”

This chain is salvation for Suzanne herself. The film (the play, the book) is almost a documentary story of her own childhood, against the background of schizophrenia of her mother, a film critic Gerd Osten. Suzanne herself wove this chain, having started to analyze her story, and got out of her own tragedy, while making it subject to research and reflection.

It’s unlikely that anyone will accuse us of spoiling if we tell you that this is a story about an eight-year-old girl Ti and her mother plunging into the abyss of schizophrenia. This abyss is very vivid and densely populated: the mother, hiding with her daughter in a rented apartment, clutters the studio half-empty at first to the state of some terrible cave with secret passages, dangerous bushes and labyrinths, wishing to please the infernal demons that only she sees. And in this madness somehow grows, partially playing it up, partially adapting to it, a normal, curious child, attached to her mother, as it should be by nature. The film has happy end. A loving aunt with an active friend and a cheerful dog, a kind teacher, moderately indifferent but still professional social services do their job – the girl is rescued, her mother is sent for treatment, the apartment is cleaned and even demons are launched into space – fireworks over a black lake, where every volley of salute for

a moment looks like an evil clown. Yet a feeling that you were on the edge, one foot slipping into the abyss, does not leave you for a long time. Among the film awards, there is a prize for the best thriller, but the authors are not at all happy with this – they filmed “not about this.” Ending is happy, but according to statistics, schizophrenia is very often inherited: yes, children like nobody else are able to defeat any trouble while playing, but where is the guarantee that the girl’s fantasies about defeating the demons are not the first sign that she will repeat the fate of her mother?

“The Girl, the Mother and the Demons” is a fantastically beautiful film: an angelic face of the little Esther Quigley (Ti), the eerie picturesqueness of the apartment (debris, blackthorn in the toilet, jars with amber urine, and barricades of rags), German impressionism of “demons”, Bergman’s taste for psychological details in acting of Maria Sundbom (Mother).

Suzanne Osten’s work shows clearly the mechanism of a stretched spring of psychosis (psychologists and psychiatrists who attended screening stressed it): lack of hygiene, the person’s indifference to her appearance and smells, chaos as protection, calculating practicality in relations with the normal world and full reality of “demons”, with who it is possible to negotiate or even give battle.

The film gives foreigners a social image of an ordinary Stockholm school on the outskirts: children of all skin colors, lessons are directly related to life (a teacher brings her family to class, so that the children tell about theirs). Thus, our domestic horror stories about juvenile justice in Scandinavian countries came up with zilch: the teacher is flawlessly delicate towards the hungry, dirty schoolgirl and her mother.

Film scene

Anyway, the main thing is that this film is about love: illogical, blind, exalted and fearless. It shows the way out where there seems to be no way out. The aunt, hacking a secret database to find the location of the niece, and Ti with her candies against demons (this childish nonsense comforts the mother for long) are caused by love. Thus, the emotional culmination is not the girl's rescue, but her remark in a minute after the rescue: "I want to see how my mother is."

The film is made with such utter frankness that sometimes we worry about Esther. "Have you explained the task to the girl thoroughly? Isn't it dangerous for a child's psyche to be in such films?" – we asked our guests. "On location she was with her mom. Everything there happens differently, and we have a record where the girl and her mother are analyzing their work," – explains Ann-Sofie Bårány. "Yet I understand your question. For me as a spectator, it's getting more terrible every time to watch. Besides, I'm not at all optimistic about the end. After all, this family boundaries are trespassed, with other people interfering into it."

As a play, this story has been played at Swedish theatre for twenty years. "After the play, it happens that to our "Girl", who is a quite tall grown-up actress, children from the audience come up and ask: How old are you? And to the "Mother" they say: "My mother is exactly the same," – says Susann Osten about her production. – The theatre is much more conventional: all the parts – both two demons, and classmates, and teacher, and mother and daughter – are played by four actors, who try on different masks. In cinema, there is a chance to show everything much more realistically and closely."

A special continuation of the film's presentation was a workshop led by Suzanne Osten and Ann-Sofie Bårány, organized by

the Russian Centre of ITI in cooperation with the Higher School of Performing Arts. By the invitation of the latter, psychologists, teachers, directors and actors from Moscow and Moscow region, Nizhny Novgorod, Tver, Ulyanovsk regions and the Stavropol Territory attended the workshop.

Ann-Sofie Bårány has worked as a psychotherapist, until she started writing plays, met Suzanne Osten in 2004, and they were working together since. Then Osten and Bårány started a research: from what age a little person starts to perceive theatre. This was the beginning of the Swedish theatre for babies. Their first joint performance was Babydrama for six-month-old spectators. After fifty shows, they realized that children at certain age, really follow the action. Each of the fifteen children (this is the number of audience for the performance) makes approximately the same movements, and, as a rule, each "focus group" is divided into three categories. Nine out of fifteen watch "like grown-ups": concentrating on climaxes and are distracted (so to speak – stick to gadgets), when acting becomes less intense.

It turned out that professional actors are not very good at communicating with children, feeling at a loss without a ready script at their disposal. Therefore, the first twenty minutes of Suzanne Osten's baby-play, they meet children and communicate with them. Then they play an hour-long performance on how a baby was born – life in a womb, birth, choice of parents. What six-month-olds can understand (or rather recall) is difficult to understand. However, such attentive, open eyes, looking inwards at the same time hardly can be seen by an actor who plays for adults.

Memory is the most fruitful work, parents are the first "characters" for a baby who watches and gets to know them in all complexity and integrity. By means of exercises for memory and associations, the Swedish guests led the workshop participants all the way "from complete dependence to realization: I love my parents, many other people around me form the world, I have several friends, also there are enemies, and still I love this life." Recalling all the acts one can't talk about (because it's embarrassing, scary, annoying to see disappointment of others), an adult regains his feeling of helplessness, and, according to Suzanne Osten, this is "children's perspective in art." The beginning of all beginnings.

